

Д. В. КОНКИН

**ВАКУФНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПЕРВЫХ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ
В КРЫМУ (1796-1810 гг.)**

Термин «вакуф» в законах Российской империи впервые появился в 1827 г. Исследователи XIX в. [1, с. 47; 2, с. 18; 3, с. 391; 4, с. 486] появление данного термина в российском законодательстве приурочивали к «Положению для Татар-поселян и владельцев земель в Таврической губернии» [5, т. 2, № 1417], датированному 28 сентября 1827 г. Однако такое утверждение не является верным. Дело в том, что еще 14 февраля того же года (то есть более чем за полгода до вышеназванного законодательного акта) был высочайше утвержден доклад министра народного просвещения «Об учреждении в Симферополе Училищного Отделения для образования Татарских Учителей» [5, т. 2, № 902], в котором упоминаются вакуфы. В указе шла речь о создании при Симферопольской гимназии особого Института для подготовки учителей для крымских татар, куда должны были приниматься на казенное содержание дети «преимущественно из татарского Духовенства». Выпускники Института в дальнейшем распределялись в татарские училища, «кои содержатся за счет имений, так называемых Вакуфских, принадлежащих мечетям» [5, т. 2, № 902]. Вполне понятно, что появление данного законодательного акта не свидетельствовало о возникновении вакуфов в Российской империи именно в означенный год. И до этого момента вакуфы существовали, однако, вне правового поля империи. Если говорить о духовных вакуфах¹, то до 1827 г. российская администрация считала их собственностью мечетей, и, исходя из такого статуса, вмешательство государства в регулирование данным видом имущества

¹ Под термином «духовный вакуф» в российском законодательстве XIX в. подразумевался т.н. «законный» вакф [подробнее о нем см.: 39, с. 82-85; 40, с. 21-26; 41, с. 305-314; 6, с. 35-36; 42, с. 17-19].

было минимальным. О частных вакуфах² российская власть вообще не имела какого-либо представления даже на местном уровне, вплоть до 1816 г., когда этот вид традиционного мусульманского землевладения стал предметом доклада члена «Комиссии для исследования и отвращения разных злоупотреблений» (1816-1819 гг.) князя Кая бея Балатукова. В российском законодательстве термин «частный вакуф» впервые появляется в 1829 г. в «Высочайше утвержденном мнении госсювета «О вакуфских в Крыму имениях»» [5, т. 4, № 2761]. Таким образом, с 1783 по 1827 гг. (если говорить о частных вакуфах, то по 1829 г.) вакуфы в Российской империи формально отсутствовали как понятие в законах. Тем не менее, власть, особенно на местном уровне, не могла не сталкиваться с данным видом владения и должна была принимать какие-либо решения, так или иначе касающиеся вакуфов.

В ходе работы первых землеустроительных комиссий в Крыму (1796-1810 гг.) ее членам неоднократно приходилось утверждать различные резолюции в отношении вакуфных земель. Таким образом, на данном этапе вакуфное землевладение впервые стало предметом рассмотрения специализированного государственного органа Российской империи. В связи с этим важно обратить особое внимание на деятельность землеустроительных комиссий, проанализировать характер их решений в отношении вакуфов.

К разбору деятельности первых землеустроительных комиссий исследователи обращались неоднократно. В ряду таких работ в первую очередь следует назвать «Историю крымско-татарского землевладения» Ф.Ф. Лашкова [6], в которой среди прочего особенно детально описана деятельность Комиссии 1802 г. Однако проблема вакуфного землевладения в рассматриваемый период в работе отражения не нашла. Особое внимание следует обратить на «Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения», составленный Ф.Ф. Лашковым [7], где содержится ряд ценнейших архивных документов, которые отчасти позволяют воссоздать картину крымского землеустройства конца XVIII – начала XIX вв. Обе работы стали основополагающими для изучения крымского землевладения, и последующие исследования являются во многом пересказом «Истории крымско-татарского землевладения» или интерпретацией приведенных в «Сборнике» документов [8, с. 180].

Такая оценка, например, вполне уместна в отношении работы А. Воскресенского [9]. Хотя автор и сам признавался, что основой для его статьи стали работы всего четырех исследователей, включая Ф.Ф. Лашкова [9, с. 39]. Тем не менее, статья важна содержащимися в ней оригинальными замечаниями и

² Под термином «частный вакуф» в российском законодательстве XIX в. подразумевался т.н. «обычный» вакф (эбнай-вакуф и эвляд-вакуф) [подробнее о нем см.: 2, с. 4-9; 6, с. 37-41; 43, с. 496-498].

размышлениями. Для нас ценно, что А. Воскресенский, пожалуй, единственный, кто отметил отсутствие в «Правилах...», предложенных к действию Комиссии 1802 г., каких-либо упоминаний в отношении вакуфов.

Важной в контексте данного исследования является статья И.Ф. Александрова [10], где введены в научный оборот ценнейшие сведения: прошение крымского муфтия на имя Александра I и реакция власти на это обращение. Ряд интересных замечаний, а главное – важных выводов о деятельности Комиссии 1802 г. содержится в «Историческом очерке русского законодательства по вопросам земельного права в Крыму» [11].

В советский период тема вакуфных владений в Крыму в официальной историографии не поднималась. О работе же первых землеустроительных комиссий на полуострове кратко упомянуто в трудах С.А. Секиринского [12; 13].

На современном этапе к разбору деятельности Комиссии 1802 г. обращалась С.П. Дерий [14]. В своей работе автор особое внимание уделяет анализу дворянских проектов, касающихся крымского землеустройства.

Частноввакуфному землевладению в Таврической губернии посвящена статья З.З. Абдуллаевой [15]. Тема прошения муфтия Сеит Мегмет эфенди к Александру I и дальнейшего устройства Таврического магометанского духовного правления (ТМДП) частично рассмотрена в работе А.В. Тимощука и П.Е. Тарана [44, с. 44-50]. Обзору российского имперского законодательства в отношении вакуфов, в том числе и в округе ТМДП, посвящена статья И.К. Загидуллина [46].

В целом, необходимо отметить, что как в литературе, изданной до 1917 г., так и в советской и современной историографии поставленная проблема освещена крайне слабо. Главной причиной тому является узость источниковой базы. Введение в научный оборот новых архивных данных, акцентирование внимания на актуальных в рамках данной статьи темах в уже опубликованных источниках – является одним из способов решения проблемы.

Цель данной работы – изучить, каким образом осуществлялось регулирование вакуфных земель в Крыму до инкорпорации этого понятия в российское законодательство. Поскольку важнейшими составляющими этого процесса на данном этапе являлись резолюции землеустроительных комиссий, и особенно резолюции Комиссии 1802 г., заложившие основы собственности на земли в Крыму, то достижение поставленной цели возможно только при более подробном рассмотрении деятельности этих комиссий. В частности, необходимо проследить, отражалась ли деятельность землеустроительных комиссий на вакуфном землевладении Крыма, как местное мусульманское население (и особенно духовенство) взаимодействовало с властными структурами и дать оценку результатам такого сотрудничества.

Итак, на начальном этапе административно-хозяйственного освоения

полуострова российская бюрократия в отношении старожильческого населения исходила из принципов, заявленных в манифесте Екатерины II от 8 апреля 1783 г. [16, т. 21, № 15708], в котором гарантировалась неприкосновенность традиционных прав и религиозных обычаев местных жителей. Манифест этот, хотя и носил декларативный характер (т.е. задавал общий тон, в котором следовало относиться российской администрации, например, к исламу в Крыму), тем не менее, оставался постоянным и действенным аргументом для российских чиновников в положительном решении многих проблем, связанных с защитой мусульманских традиций на присоединенной территории. Исходя из высказанных в манифесте принципов, местная власть должна была относиться и к вакуфным владениям: то есть, как традиционную мусульманскую институцию, оставить без каких-либо административных вмешательств. То, что заявленные в манифесте позиции не всегда исполнялись – хорошо известно. Таким же образом, по-видимому, обстояли дела и с вакуфными имуществами и, в особенности, с земельными участками, составляющими данный вид владения. В результате различных махинаций с землей многие из таких участков выходили из управления мусульман, которое, по идее, гарантировалось манифестом, поскольку вакуфы – традиционная часть мусульманского права, и вопреки государственным обещаниям становились объектами права уже в рамках официального российского законодательства [17, с. 485-487; 45, с. 636-637]. Будучи в новом статусе, часто такие земли оказывались во владении российских помещиков, включая местных беев и мурз, что никак не вязалось с декларируемыми позициями манифеста. Такого рода манипуляции, естественно, вели к росту возмущения среди крымских татар. Наиболее ярко подобное возмущение выразилось в появлении многочисленных жалоб со стороны мусульманского населения, которое было недовольно чинимыми в Крыму местными властями различными злоупотреблениями в сфере традиционного землевладения.

То, что данный процесс затронул и вакуфы, видно из содержания жалоб, попавших на рассмотрение «Комиссии для разрешения споров о праве на владение земель на Крымском полуострове», сформированной в 1802 г. Тема захвата помещиками вакуфных земель звучит в них постоянно [см.: ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 19, д. 27, д. 73, д. 131, д. 189, д. 249, д. 288, д. 321].

Государство не могло оставаться в стороне от проблем в регионе. В конце XVIII в. центральной властью был предпринят ряд мер по урегулированию ситуации в Крыму. Функции одного из главных регуляторов призвана была выполнять землеустроительная комиссия. Идея создания такой комиссии принадлежала И.И. Хорвату, исполнявшему должность правителя Екатеринославского наместничества и первого присутствующего в Таврической области. Именно И.И. Хорват составил в 1796 г. проект организации первой «Осо-

бой комиссии по разбору земельных споров в Крыму», получивший одобрение со стороны князя П.А. Зубова [17, с. 492-494]. На том этапе в силу различных причин Комиссия не смогла начать действовать. Тем не менее, на имя И.И. Хорвата, а затем на имя сменившего его в управлении Таврической областью Екатеринославского военного и гражданского губернатора Н.М. Бердяева, от крымских татар успело поступить 73 жалобы о захвате земель и других злоупотреблениях, произошедших в Крыму [6, № 24, с. 65].

Вопрос об организации землеустроительной комиссии повторно встал уже при новом императоре, Павле I. В именном указе от 2 декабря 1797 г. император повелел «управляющему Новороссийской губернией» графу М.В. Каховскому в сжатые сроки рассмотреть поступившие жалобы, и всем хозяевам «пристойным образом сделать <...> удовлетворение», как это было предписано екатерининским указом от 17 сентября 1796 г. [7, № 25, с. 115³]. Об организации какого-либо специального органа для выполнения предписанных заданий в указе не было сказано ни слова, хотя А. Воскресенский, например, утверждал, что указ «учреждал» землеустроительную комиссию [9, с. 44]. На самом деле Новороссийский военный губернатор М.В. Каховский уже по своему замыслу решил, что для разбора жалоб необходимо создать «особую Комиссию». По его инициативе 10 июля 1798 г. такая Комиссия была открыта в Акмечете (совр. г. Симферополь) [6, № 24, с. 65]. Возглавил ее сам М.В. Каховский, в состав входили российские и крымскотатарские помещики. Однако, ничего полезного в деле урегулирования земельных споров в Крыму Комиссия сделать не смогла. Не имея конкретных полномочий, работа ее носила формальный характер. По-видимому, главным результатом деятельности Комиссии стал запрос председателя М.В. Каховского от 24 сентября 1798 г. к бывшему ханскому казнадару (государственному казначею) Мегмет-аге и муфтию Сеит-Мегмет эфенди с требованием разъяснить принципы землеустройства Крыма и систему повинностей татар-поселян в ханский период [7, № 25, с. 122-123]. Запрос состоял из 8 пунктов. На каждый из пунктов был получен достаточно подробный ответ, под которым наряду с Мегмет-агой и Сеит-Мегметом эфенди свои подписи поставили виднейшие представители крымскотатарской знати – надворный советник Хаджи Газы ага, коллежский асессор Атай мурза Ширинский, надворный советник Мехмедша Мурза Аргинский, коллежский асессор Мехмедша Мурза Кипчак, Мердимша Мурза Мансурский и др. [6, № 24, с. 128]. Помимо этого, местный помещик Е.И. Нотара составил особое мнение, где все пункты запроса сопровождал своими комментариями [7, № 25, с. 128-130].

³ У Ф.Ф. Лашкова [7, № 25, с. 115] неверно указан год указа от 17 сентября – 1797-й.

Удивительно, что в ответе крымскотатарской знати ни слова не было сказано о вакуфах, хотя данная форма владения, несомненно, была известна подписантам. Духовные вакуфы, например, составляли важнейший источник существования мусульманских религиозных учреждений, однако муфтий, объясняя принципы земельной собственности крымских татар, вообще не касается имущества, находящегося в ведении духовенства. Справедливости ради следует заметить, что в самом запросе М.В. Каховского напрямую об источниках существования духовенства не спрашивалось.

22 июля 1799 г. Комиссия поменяла свой состав, однако замена участников никак не сказалась на эффективности работы. По-прежнему ничего существенного в решении проблем крымского землевладения сделано не было. Поэтому новый Новороссийский военный губернатор И.И. Михельсон, сменивший в 1800 г. на этом посту М.В. Каховского, вникнув в суть дел Комиссии, пришел в выводу, что деятельность ее не имеет «той успешности, каковой Всевысочайший Его Императорского Величества указ и самое существо дела ко благу общему требуют» [7, № 25, с. 131]. Губернатор предписал немедленно возобновить работу Комиссии и пообещал провести ревизию ее деятельности. Несколько позже – 13 августа 1800 г. – в результате императорского указа [7, № 25, с. 132] Комиссия была утверждена на общегосударственном уровне. Вся ее деятельность, согласно указу, должна была осуществляться под непосредственным ведомством Новороссийского военного губернатора, который, в свою очередь, решения Комиссии вместе со своим мнением по поводу этих решений представлял на апробацию сената, также в указе утверждался механизм оплаты труда некоторых ее сотрудников [7, № 25, с. 132]. Однако официальный статус Комиссии и внесение некоторой ясности в финансирование ее деятельности мало сказались на качестве работы органа. Только после того, как И.И. Михельсон через Акмечетский нижний земской суд (!) обязал членов Комиссии приступить к исполнению своих обязанностей, заседания возобновились [6, № 24, с. 67]. В январе 1801 г. входящий в Комиссию подполковник А. Таранов представил на рассмотрение И.И. Михельсона записку, в которой изложил свое видение проблем крымского землеустройства и пути их решения. Записка эта, однако, не получила поддержки «наверху», возможно, из-за достаточно мрачной оценки мусульманского населения, данной в ней, а возможно, из-за перипетий в государстве, начавшихся в связи со смертью императора Павла I и восшествием на престол Александра I. Всего же за два года Комиссия сумела разобрать всего 2 дела [6, № 24, с. 71]. Причиной столь низкой результативности ее деятельности, по мнению Ф.Ф. Лашкова, являлось отсутствие четко определенных полномочий и строго выработанной программы действий [6, № 24, с. 71]. С этими причинами стоит согласиться, добавив лишь, что большим недостатком в орга-

низации работы членов Комиссии и ее аппарата стало отсутствие штатного финансирования, наличие которого неизменно подстегивает рабочий энтузиазм любого чиновника. Необходимо также отметить, что ни разу в различных решениях, прошениях, мнениях членов Комиссии не прозвучало ни слова о вакуфном землевладении, хотя в значительной мере личный состав Комиссии комплектовался из представителей крымскотатарской знати, хорошо знакомой с этим понятием.

С началом правления Александра I многие подданные империи связывали определенные надежды. Проверенным и достаточно действенным методом для достижения благоприятного результата своих устремлений различными сословиями или народами Российской империи, или же для подтверждения льгот, предоставленных им предыдущими правителями, становились прошения «милостей государевых», поток которых непропорционально возрастал сразу по восшествии на престол нового императора. Не стали исключением в этом вопросе и просьбы мусульман Крыма.

В 1801 г., сразу после воцарения Александра I, таврический муфтий Сеит Мегмет эфендий, пребывая в Санкт-Петербурге, поднес императору записку, в которой просил подтвердить преимущества, «дарованные крымским обывателям и духовенству их <...> Императрицею Екатериною II» [10, с. 319].

Записка состояла из 5 пунктов. В п. 1 звучала просьба подтвердить правомочность манифеста от 8 апреля 1783 г., рескрипта князю П.А. Зубову от 17 сентября 1796 г. и доклада сената от 19 октября 1794 г. В п. 2 муфтий просил открыть в Крыму духовное правление с официально утвержденным штатом и жалованьем сотрудникам из российской казны, а также выделить деньги на постройку здания в Акмечете для размещения в нем правления. Далее в записке звучит просьба вернуть в разряд духовенства тех татар, которые ранее, якобы по ошибке, были причислены во время ревизии к числу казенных крестьян (п. 3), а также оставить в ведении духовенства дела по разделу имений после смерти мусульман и, в частности, подтвердить предоставление опеки над имениями мусульманских сирот представителям духовенства (п. 5). Нас более всего интересует п. 4 записки, поскольку в ней, пожалуй, впервые на таком уровне, зашла речь о вакуфах в Крыму. Итак, в п. 4 муфтий просил, чтобы «находящиеся при состоящих в Крыму храмах и училищах, именуемых джамиями, мечетями, текиями и медресами, движимые и недвижимые имущества, принадлежащие вакуфу по магометанскому правилу утвердить навсегда при сих храмах, поелику получаемые с оных доходы употребляются не иначе, как только на содержание определенных к тем храмам служителей и на нужные самих сих храмов починки; также не делать препятствия и в том, ежели где нужно оказалось устроить вновь таковые храмы или училища» [10, с. 319-320].

Как видно, речь шла исключительно о духовных вакуфах, то есть тех, которые материально обеспечивали деятельность духовенства.

В прошении ничего не говорилось о тяжелом экономическом положении рядовых мусульман Крыма, о повсеместном обезземеливании татар-поселян, о многочисленных судебных разбирательствах, связанных с земельными владениями старожильческого населения, хотя это были явные и общеизвестные проблемы. Не поднимался вопрос и о частных вакуфах, с которыми не была знакома российская администрация, но которые были хорошо известны старожильческому населению. В то же время налицо проявлено беспокойство об организации благополучной работы духовенства. Поэтому, анализируя текст прошения, напрашивается вывод о том, что муфтий на данном этапе стремился отстоять права исключительно представителей мусульманского духовенства, обходя, по каким-то причинам, стороной явную проблему обезземеливания татар-поселян.

Записку муфтия сопровождал своими замечаниями Новороссийский военный губернатор, генерал-аншеф И.И. Михельсон. Неизвестно, правда, внесены данные замечания были до рассмотрения записки императором или после. Однако, исходя из самого стиля замечаний – жесткого, безапелляционного, похожего, скорее, на приказание, чем на предложение, – можно засомневаться, что в таком виде могли поступать предложения от губернатора к императору. Логичнее поэтому предположить, что замечания не подавались на высочайшее рассмотрение, а были сочинены по мотивам прошения муфтия уже после того, как само прошение было рассмотрено Александром I. По-видимому, император поручил разобраться в просьбах муфтия непосредственному начальнику в крае – И.И. Михельсону, который и снабдил их своими предложениями.

В отношении п. 4, посвященного вакуфам, И.И. Михельсон предписывал: «Как всемилостивейше дарованными привилегиями магометанская религия во всей силе и свободе оставлена, то в числе прав религии следует и имения вакуфу до сего в звании сем состоящие утвердить. В прочем строить храмы и училища с утверждением религии само собой следует; и в сем препятствий не было» [10, с. 321]. Таким образом, императорская власть выразила готовность легализовать духовный вакуф в том качестве, в каком это было предусмотрено исламом, и руководствовалась при этом привилегиями мусульманам, упомянутыми еще в манифесте Екатерины II 1783 г. Также И.И. Михельсон планировал за счет вакуфных средств купить и поддерживать в надлежащем состоянии здание, для размещения в нем духовного правления мусульман [44, с. 45].

Одними замечаниями И.И. Михельсона императорская власть в данном вопросе не ограничилась. 14 ноября 1802 г. на имя председателя новообразованной землеустроительной комиссии И.В. Лопухина последовал импера-

торский указ, в котором председателю поручалось рассмотреть при участии муфтия «нужно ли по настоящему числу сего духовенства, его умножение, какие можно назначить ему выгоды <...>, каким образом удобнее может быть устроено сие состояние вообще, и на каких правилах будет сходственнее учредить его правление» [10, с. 321].

И.В. Лопухин без промедления принялся за дело и уже к 18 февраля 1803 г. представил «всеподданнейший доклад», где были учтены все требования вышеназванного императорского указа. Доклад этот, достаточно подробный, по словам И.Ф. Александрова, свидетельствовал «о высоком уме и выдающемся развитии составителя» [10, с. 322]. О вакуфах в документе упоминается в п. 10. Автором доклада планировалось учредить временный комитет в составе двух или трех мурз из «опытных и рассудительных», из такого же количества представителей духовенства «из числа ученых и честнейших» и одного российского чиновника, хорошо разбирающегося в делопроизводстве и российском законодательстве; также при комитете должны были находиться депутаты от поселян. Комитету, помимо определения количественного и качественного состава мусульманского духовенства, поручалось «сделать рассмотрение для положения к утверждению о движимых и недвижимых имениях, принадлежащих к разного свойства храмам, училищам и установлениям по магометанскому правилу, или принадлежащих как называется у них вакуфу, а равно и о правильнейшем и полезнейшем употреблении с них доходов» [10, с. 326]. Как видно, в данном случае российские чиновники понимали сущность духовного вакуфа как имущества, находящегося в ведении мусульманских религиозных установлений, однако определение вакуфа как «принадлежности» (по сути, собственности) мусульманских установлений – являлось ошибочным. В то же время следует отметить, что о частных вакуфах в докладе снова не сказано ни слова, хотя советником И.В. Лопухина в составлении доклада являлся таврический кадиаскер Абдураим эфенди [10, с. 328], вне всякого сомнения, знавший о существовании такого вида вакуфа. Доклад И.В. Лопухина, равно как и записка муфтия с замечаниями на нее И.И. Михельсона, так и не получили какого-либо законодательного оформления. Проект И.В. Лопухина, например, последний раз на высшем уровне был рассмотрен 9 июля 1809 г., когда попал в число вопросов, обсуждаемых Комитетом Министров. В итоге разбирательство по данному делу было перенесено на совместное заседание Комитета Министров и Министерства юстиции [44, с. 49]. Однако дальнейшего развития дело не получило. Причиной тому могла быть отвлеченность центральной власти на проектирование и исполнение широкомасштабных реформ в рамках всего государства, по времени совпавшая с крымскими обращениями. Также на игнорировании перечисленных обращений могла сказаться и начавшаяся война с Францией, затем с Турцией,

«когда краевые нужды совсем уж отошли на задний план» [10, с. 329]. Возможно, правительство надеялось, что все поднимаемые вопросы решатся в рамках новой землеустроительной комиссии, учрежденной в 1802 г., которую наделило достаточно широкими полномочиями. В любом случае следует отметить, что с прошением крымского муфтия император поручил разобраться сначала И.И. Михельсону – непосредственному начальнику края, а чуть позже И.В. Лопухину – главе землеустроительной комиссии, решения которой становились обязательными на полуострове. Привлечение к работе с данным документом двух столь высокопоставленных чиновников – свидетельство серьезного внимания Александра I к изложенным в записке просьбам.

В целом же, как было сказано, решить накопившиеся проблемы в регионе, а главное урегулировать взаимные претензии землевладельцев, по замыслу Александра I, должна была землеустроительная комиссия. 19 мая 1802 г. император «высочайше подтвердил» указ об учреждении новой «Комиссии для разрешения споров о праве на владение земель на Крымском полуострове» вместо дискредитировавшей себя старой [18, № 20276]. Председателем ее назначен был вышеупомянутый тайный советник и сенатор И.В. Лопухин. В состав вошли следующие чиновники: обер-прокурор временного межевого департамента П.С. Ланской, действительный статский советник М.В. Туманский, статский советник, обер-секретарь межевого департамента Б.И. Крейтер и статский советник П.И. Сумароков. Помимо них, для необходимых объяснений при Комиссии должны были состоять по два представителя от российских помещиков, от местных мурз и от татар-поселян. Таким образом, в целом состав Комиссии объективно отражал главные задействованные в земельных спорах слои населения. Комиссия проработала до 1810 г. и решила ряд поставленных перед ней задач.

Для И.В. Лопухина назначение председателем стало полной неожиданностью. До императорского указа он и не слышал о планах учредить такую Комиссию. Интересно, что причиной ее учреждения сам И.В. Лопухин называет «жалобы Татар, подстрекаемых завистью, неприязнью между собою и разными личностями Дворян и Чиновников, начиная от низших до самых высших <...>» [19, с. 147]. Истоки интриг сенатор видел в «паркетных играх» при дворе: «<...> сия Комиссия родилась больше от споров на паркете <...>, нежели в обильных долинах и великолепных горах романтической Тавриды» [19, с. 148].

С начала открытия Комиссия пользовалась в своей работе «Начертанием правил Комиссии, учрежденной для разбора споров по землям и для определения повинностей в Крымском полуострове» [18, № 20276]. Правила эти, в числе прочего, описывали землеустройство Крыма в том виде, в каком оно представлялось российской администрации при взгляде «сверху». Так, все земли в Крыму подразделялись на 4 рода.

К 1-му относились ханские земли, «принадлежащие со времен ханского владычества коренному татарскому населению на полном праве собственности (право продажи и наследования)» [11, с. 5].

2-й род составляли земли, принадлежащие мурзам. Эти земли после вхождения Крыма в состав России правительство могло найти в трех состояниях:

а) владельцы-мурзы эмигрировали из Крыма, не оставив в отношении своих земель никаких законных распоряжений;

б) владельцы-мурзы эмигрировали из Крыма, но предварительно законным путем передали свои земли новым владельцам;

в) владельцы-мурзы остались в Крыму и продолжали законно владеть своим имуществом.

3-й род земель – «участки, сады и всякого рода угодья, коими сами поселяне владели без всякого платежа оброка и на точном праве собственности» [11, с. 5].

Наконец, к 4-му роду относились т.н. «пустопорожные» земли, то есть не заселенные в ханский период, или обнаруженные таковыми российской администрацией «при первом обзоре и камеральном описании края или после него» [11, с. 6].⁴

О вакуфном землевладении в документе не было сказано ни слова. На данное обстоятельство обратил внимание еще А. Воскресенский, который, сравнивая предложенные в «Правилах...» разряды с существовавшими в ханстве, отмечал, что «Правила, при всей их доброжелательности к татарам, страдают крупными дефектами. Перед нами пропуск общины, пропуск бейлика и вакуфа» [9, с. 45].

Таким образом, весь массив земель, составляющих как духовный, так и частный вакуф, распределился по вышеперечисленным четырем категориям, предложенным для Крыма российской администрацией. При этом частные вакуфы, как наиболее распространенный вид среди рядовых мусульман Крыма, по логике вещей, должны были концентрироваться в 3-м «роде земель», поскольку именно к нему относились земельные владения татар-поселян на праве собственности, а посвящение недвижимости в вакф как раз и предусматривало одним из главных условий право полной собственности вокифа на посвящаемый участок.

Духовные вакуфы в большом количестве должны были находиться на ханских землях («1-й род земель»), поскольку ханы традиционно были одними из главных основателей подобных земельных фондов. Могли духовные

⁴ Составленное в 1787 г. «Камеральное описание землям и садам после выхода христиан и выехавших за границу мурз и поступившим в казну» страдало неточностями и мало подходило в качестве определителя казенных земель, предназначенных под раздачу [подробнее см.: 6, № 24, с. 53-55].

вакуфы учреждаться и эмигрирующими беями и мурзами, поскольку они навсегда покидали владения и времени и возможности продать земли, как правило, не имели.

Наконец, как частные, так и духовные вакуфы должны были входить в число «пустопорожных земель» («4-й род»), так как в результате массовой эмиграции татар из Крыма целые селения оказывались заброшенными. А это значит, что и мечети в этих селениях, вместе с относящимися к ним вакуфами, и земли частных вакуфов, покинутые их распорядителями, оказывались не востребуемыми и переходили в разряд «пустопорожных».

Хотя статус вакуфных владений не был закреплен законодательно, а решение вопроса легализации вакуфов в Крыму среди поставленных перед Комиссией задач не стояло, тем не менее, этот вид крымского землевладения не раз становился предметом рассмотрения членов Комиссии.

Так, спустя всего несколько дней после разрешения на подачу жалоб от татар (разрешение последовало 23 сентября 1802 г. [6, № 25, с. 34-35]) – 6 октября 1802 г. в Комиссию поступило прошение от жителей д. Османчик Байрачской волости Акмечетского уезда (позднее Феодосийский уезд) Баки Сейфуллы(?), Ибрагим Аталика и имама муллы Агмета. В прошении они жаловались на помещика Абдиль Кадир агу, который помимо прочих земель, оставшихся им от «предков в наследство», присвоил и «вакуфские к мечети принадлежащие земли» [20, л. 33].

В другом прошении, тоже октябрьском, житель д. Эль-Бузлы Акмечетского уезда (позднее Феодосийского) Кок-Ташской волости шейх Хасан Челеби жаловался на помещика Е. Нотару, который «при оной деревне <...> к мечети и текие <...> принадлежащие земли, леса и зимовники <...> без всяких правил уже 15 лет к себе отмежевал, потом г. генералу Мордвинову продал» [21, л. 47(об.)].

Вообще, все многочисленные жалобы со стороны крымских татар на произвол помещиков, в свою очередь, наталкивались на противодействие последних. Крымские помещики, стремясь защитить личные владения от возможных потрясений, а также желая получить твердые гарантии неприкосновенности обретенного имущества, в письменной форме излагали свое видение проблемы. Таковым изложением была вышеупомянутая записка помещика А. Таранова, адресованная в 1801 г. И.И. Михельсону и не получившая поддержки властей [6, № 24, с. 69]. Более удачливым стало прошение группы крымских помещиков, доверенным лицом которых выступил губернский секретарь В.С. Чернов. На основании прошения В.С. Черновым 15 апреля 1802 г. была подана жалоба Александру I, рассмотреть которую император поручил «учрежденному для того Комитету о устройении Новороссийской губернии» [22, л. 6]. В Комитет, заседания которого проходили в Зимнем дворце, помимо государственных деятелей первой величины (член Государственного совета

и сенатор, а вскорости министр внутренних дел В.П. Кочубей, министр коммерции Н.П. Румянцев, поэт и будущий министр юстиции Г.Р. Державин, генерал-прокурор А.А. Беклешов, К.-Л.И. Габлиц), входили и представители местной администрации, включая военных и гражданских губернаторов Новороссии (М.П. Миклашевский, И.И. Михельсон), а потому он являлся авторитетнейшим органом, решения которого во многом определяли направления хозяйственно-административного развития края [23, с. 178]. Прошение В.С. Чернова, рассмотренное на заседании Комитета, по-видимому, стало катализатором для появления указа об учреждении в Крыму землеустроительной комиссии 1802 г. [6, № 24, с. 70-71]. К числу «дворянских проектов», подобных записке А. Таранова и прошения В.С. Чернова, С.П. Дерий относит и «Мнение относительно Крыма» Н.С. Мордвинова [14, с. 163]. Все эти сочинения представляли «единую позицию крымских дворян, как в споре о земельной собственности, так и во взгляде на перспективы собственных взаимоотношений с татарами» [14, с. 163]. Несомненно, данные проекты были более перспективны в плане реакции на них российской власти, чем разрозненные и не оформленные в единую концепцию жалобы татар, что, собственно, и доказало прошение В.С. Чернова.

Судя по всему, к числу подобных проектов следует отнести и прошение депутатов капитана-командора Е.П. Сарандинаки и коллежского асессора Полякова, избранных представлять интересы христианских помещиков Крыма в Комиссии 1802 г. Их сочинение было адресовано непосредственно в Комиссию и из вышеперечисленных документов подобного рода, пожалуй, в наиболее мрачных тонах характеризовало хозяйственные и гуманитарные качества крымских татар. Текст данного прошения был опубликован Ф.Ф. Лашковым [7, № 26, с. 46-52]. В хранящемся в архиве деле «По объяснениям выбранных в Комиссию от помещиков христианского закона депутатов о розданных в Крыму помещикам землях» [24] содержится еще несколько неопубликованных любопытных обращений этих депутатов в Комиссию. В частности, представление Полякова, где он в качестве доказательства сокрытия крымскими татарами земель, относящихся, согласно российским законам, к казенному ведомству, приводит пример с участием вакуфов. По замечанию депутата, «состоящая на реке Каче деревня Улун Коль на выданном плане бригадиру Фалееву показана в полосном владении принадлежащей со всею землею, коей есть до 5000 дес., казенному ведомству. – А когда производилось Генеральное межевание, в то время самая та же деревня со своею округою названа вакуфскою и отмежевана бахчисарайской мечети, которая состоит в бывшем ханском дворце» [24, л. 41]. Кстати говоря, «бригадир Фалеев», в других источниках именуемый полковником, был весьма дружен с Г.А. Потемкиным и при

жизни последнего с большой выгодой занимался различными коммерческими предприятиями [38, с. 6-8] и, в частности, перепродавал земельные участки, полученные бесплатно от государства под определенные обязательства, новым владельцам [17, с. 490].

Не оценивая достоверность приведенного примера, необходимо отметить следующее: в представлении Полякова говорится о вакуфном землевладении как об общеизвестном факте. Более того, как видно, во время межевания вакуфные земли отходили к мечетям, хотя о существовании и статусе вакуффов, как особом мусульманском благотворительном институте, нигде в российском законодательстве не оговаривалось.

В деле с объяснениями депутатов Е.П. Сарандинаки и Полякова, помимо примера с вакуфами, имеются и другие обвинения в адрес крымских татар в подлогах, лжесвидетельствах и других махинациях в сфере землевладения. Ко всем подобным сведениям необходимо подходить критически, так как сообщали их лица, заинтересованные в том, чтобы ограничить права татар на крымские земли в пользу новых владельцев. В то же время и к жалобам крымских татар на различные нарушения их традиционных прав, гарантированных самодержавием, нужно относиться с известной долей осторожности, поскольку и с этой стороны были известны случаи несправедливо составленных претензий, на что обращал внимание В.С. Чернов в своем послании [25, л. 4, 5; 7, № 26, с. 54-56]. В данном случае в сфере крымского землевладения происходило взаимное столкновение интересов между старыми хозяевами – мусульманским населением и новыми – российскими помещиками.

Всего в течение 1802-1804 г. Комиссия приняла к рассмотрению 938 прошений (607 в 1802 г., 210 в 1803 г., 121 в 1804 г.) [22, л. 7(об.), 11(об.)]. Однако ни по одной из поступивших жалоб (включая и вакуфные) в указанный срок не было принято какого-либо решения. Главной причиной такой ситуации стало очевидное несоответствие предложенных к руководству Комиссии «Правил...» реально сложившимся в Крыму обстоятельствам в области землевладения. По словам Ф.Ф. Лашкова, «дело оказалось настолько сложным и разнообразным, что не могло уложиться в тесные рамки закона и потому требовало разъяснений и дополнений» [6, № 25, с. 38]. На неудобство предложенных «Правил...» обратил внимание и И.В. Лопухин, который в 1803 г. лично докладывал об этом императору, а также представил ему на рассмотрение собственные соображения по организации работы Комиссии [19, с. 148-149].

Именно мнение И.В. Лопухина легло в основу утвержденного в 1804 г. Государственным советом и императором «Дополнения к начертанию правил Комиссии, учрежденной в Крыму для разбора споров по землям» [19, с. 158], которое призвано было «доставить Комиссии новые способы к скорейшему окончанию дел, ей порученных <...>» [18, № 21275]. Появление «Дополне-

ния...» положительно сказалось на результативности работы Комиссии, прежде всего, за счет четкой регламентации ее деятельности. Были конкретно определены ее задачи, которые, к тому же, значительно сузились. И в этом можно усмотреть положительный момент, поскольку в том формате, в каком действовала Комиссия ранее, более серьезные задачи она выполнить не могла. Однако «Дополнение...» ничего не меняло в разделении земель в Крыму. По-прежнему ни в одном пункте не упоминалось о вакуфах. Более того, теперь Комиссия ограничивалась в своих делах «единственно разбором споров и жалоб между частными лицами» (п. 3) и не занималась более поиском «земель казенных во владениях древних и новых помещиков, ни в дачах простых татар» (п. 3). Следовательно, и вакуфные земли, ставшие, например, в результате раздачи или покупки частью помещичьего надела (без различия – «древний» это или «новый» помещик), лишались возможности изъятия их Комиссией из рук частных владельцев. Также, согласно п. 10 «Дополнения...», «разбор о лавках, ханах и местах городских» не принадлежал более ведению Комиссии, а предоставлялся «действию установленных присутственных мест». Таким образом, Комиссия была вынуждена отказываться в рассмотрении делам, где оспаривалась городская собственность. Под это предписание подпало, например, прошение бахчисарайского имама Халила эфендия о незаконном захвате пекарни, относящейся к мечетскому вакуфу, поданное в 1805 году. Комиссия, ссылаясь на п. 10, предписала имаму «просить по порядку в тех судебных местах, до коих разбор одного принадлежит и от оных ожидать себе правосудия <...>» [26, л. 1].

Большое значение в активизации деятельности Комиссии сыграла смена ее членов. Первый состав оказался малорезультативным. Возможно, в силу недостаточной подготовки к местным специфическим традициям землеустройства, резко отличающимся от проблем внутренних губерний России. В течение конца 1803-1804 гг. состав Комиссии поменялся на 100%. Сначала, 24 октября 1803 г., именным указом императора, данным сенату, был «уволен от дел» П.И. Сумароков [27, л. 33]. Затем, указом от 26 февраля 1804 г. уволили Б.И. Крейтера [27, л. 36]. 30 июля того же года по собственному прошению был отставлен от должности в Комиссии П.С. Ланской [27, л. 66(об.)], а также М.В. Туманский [6, № 25, с. 45]. На смену им утверждены императором по представлению И.В. Лопухина в качестве членов Комиссии коллежские советники М.П. Штер и Д.А. Ковалев [27, л. 55(об.)]⁵ и надворный советник Е.В. Вешняков [27, л. 66(об.)]. Уже в 1805 г., а именно императорским указом от 27 июня, был уволен по собственному прошению

⁵ У Ф.Ф. Лашкова [6, № 25, с. 45] неверно названы Поляков вместо Д.А. Ковалева и чин у М.П. Штера – статский советник, вместо правильного – коллежский советник.

с должности председателя Комиссии сенатор И.В. Лопухин [28, л. 4, 4(об.)]. В своих «Записках» он вспоминает: «О выезде моем из Крыма жалел тамошний народ, который очень меня полюбил. Это тем замечательнее, <...> что я должен был быть против его, защищая по справедливости права Дворян и новых помещиков <...> Недовольны были только тогдашние Начальники губернии, потому что пребывание мое там немножко их ограничивало <...>» [19, с. 162].

На место И.В. Лопухина был назначен Таврический гражданский губернатор, действительный статский советник Д.Б. Мертваго. Из всех чиновников к закрытию Комиссии в 1810 г. в ее составе остались М.П. Штер и Д.А. Ковалев. Особо следует отметить деятельность первого. Матвей Петрович Штер начал бюрократическую карьеру в 1790 г. в должности копейста в казначействе [29, л. 4]. Перед тем, как оказаться в Комиссии, служил инспектором Ахтиарского военного портового карантин, где получил чин коллежского советника. Находясь в составе Комиссии, М.П. Штер быстро продвинулся по служебной лестнице и уже 1808 г. был назначен председателем. Во многом благодаря его энергии и организационному таланту Комиссия достигла удовлетворительного результата в своей деятельности, успокоив на время земельные споры в Крыму. Позитивная роль М.П. Штера не осталась незамеченной: император Александр I сначала пожаловал чиновника в кавалеры ордена св. Анны 2-го класса [27, л. 126], а по окончании деятельности Комиссии М.П. Штеру был присвоен чин действительного статского советника [30, л. 5; см. о М.П. Штере также: 14, с. 168].

Новый состав действительно оказался удачливее в разборе дел. Все 938 жалоб «на завладение помещиками земель», поступивших в Комиссию от местных жителей, были рассмотрены. Последние принятые к рассмотрению жалобы датируются ноябрем 1804 г. [31], то есть как раз тем месяцем, когда истекал полугодовой срок, предусмотренный на подачу жалоб жителями Российской империи, согласно «Дополнениям...» 1804 г. (п. 12.2) [18, № 21275]. Интересно, что для подачи жалоб в Комиссию лицами, проживающими за границей, назначался срок в 12 месяцев (п. 12.3). И по тому обстоятельству, что в итоговом «Реестре делам рассмотренным Комиссией в 1802-1810 гг.» [31] отсутствуют жалобы, поданные после ноября 1804 г., можно судить, что претензий в отношении утерянных земель со стороны заграничных жителей (а это и тысячи эмигрировавших из Крыма татар) в Комиссию не поступало, хотя формально такая возможность им была предоставлена.

Из всех поданных жалоб к 1 августа 1805 г. было сформировано 398 дел [32, л. 291], позднее к ним добавилось еще одно. Таким образом, работа Комиссии в части разбора земельных претензий была сфокусирована на решении исключительно этих 399 дел. О качественном изменении работы Комиссии после замены ее состава лучше всего можно судить по следующей статистике:

в 1802 г. Комиссией было решено 8 дел, в 1803 г. – 17, в 1804 г. – 4, в 1805 г. – 80, в 1806 г. – 51, в 1807 г. – 154, в 1808 г. – 56 и, наконец, в 1809 г. – 29 [22, л. 71]. Как видно, львиная доля решений была принята после 1804 г. Помимо смены состава, важной, на наш взгляд, причиной ускорения деятельности Комиссии мог быть внешнеполитический фактор. В 1806 г. Россия начала войну с Турцией, в связи с чем власть была обеспокоена настроениями мусульманского населения Крыма. Помимо практиковавшегося ранее метода по контролю над населением во время войны – переселение крымских татар с морского побережья во внутренние районы полуострова, в правительственных мерах по стабилизации обстановки в Крыму была задействована и землеустроительная комиссия. Д.Б. Мертваго рассказал о своих шагах в этом направлении в письме от 1 марта 1807 г. маркизу де Траверсе: «По случаю производящихся дел в комиссии, для разбора споров учрежденной, не объявляя никому причины, распределяю я так, чтобы во всех местах, наиболее примечания заслуживающих, были люди, для измерения спорных участков посланные. Принимая всегда строжайшее участие к защите простых татар, стараюсь, не ослабляя силы закона, приблизить их к себе любовью. Сверх числа заседателей в нижних земских судах Симферопольском, Феодосийском и Евпаторийском, определил еще я в пособие два офицера из греков, под претекстом, что заседатели слишком заняты делами по комиссии. Сии люди по препоручениям земских исправников всегда находятся в посылках по уезду. Зная язык татарский, они удобнее примечают расположение людей» [33, с. 20].

В данном случае использование землеустроительной комиссии для «профилактических» мер государства было выгодно крымским татарам, потому что действиям Комиссии, как видно, было задано направление на принятие положительных для них решений.

По итогам деятельности Комиссии в 1810 г. был составлен «Реестр делам рассмотренным Комиссией в 1802-1810 гг.» [31]. В реестре в виде таблицы расписано: когда прошение подано, от кого, на кого и на какие имена или земли, какое решение принято, когда происходило слушание и когда подписан протокол. Согласно реестру, первое прошение было подано 11 сентября 1802 г., последние поданные и рассмотренные датированы ноябрем 1804 г. Всего же значится 399 пунктов. Неоднократно в реестре упоминаются вакуфные земли. Во всех подобных делах речь шла о вакуфах, учрежденных в пользу традиционных мусульманских культовых учреждений – мечетей, текке. Подписантами жалоб в таких случаях, среди прочих лиц, обязательно были представители мусульманского духовенства на местах. Первейшей причиной участия последних был моральный фактор, поскольку любое нарушение условий завещания вакуфа считалось религиозным преступлением, и вполне естественно, что в данном случае

духовенство выступало активным защитником мусульманских установлений. Немаловажным фактором, обуславливающим активную позицию духовенства в составлении жалоб, являлся материальный. Именно за счет духовных вакуфов выплачивалось жалование служащим, и последние должны были очень чувствительно относиться к такого рода нарушениям.

Вообще духовенству было легче реагировать на различные несправедливости, да и в целом вести грамотный бюрократический диалог с российской администрацией, из-за более высокого образовательного уровня, в сравнении с основной массой рядовых татар-поселян. Грамотное составление прошения, с четким указанием на осуществляемые нарушения, пусть и написанного на татарском языке (как правило, прошения составлялись на татарском и уже в Комиссии переводились штатным переводчиком), являлось весомым залогом положительного решения дела.

Хотя, как показывала практика, соблюсти все нормы и порядок российских законов часто не удавалось. Так было, например, с жалобой жителя д. Джумели татарина Зейтулы на помещика Зотова о завладении последним садом и лугом, принадлежащих мечети при названной деревне. Прошение было принято, но в удовлетворении просьбы Зейтуле отказано, поскольку он не смог предоставить необходимых письменных доказательств, а также «по неявке той мечети духовных лиц в положенный законом срок на подачу жалоб <...>» [31, л. 46(об.), 47]. Схожее решение было принято в отношении поданного жителем д. Бютень Менгли Агметом муллой прошения, касавшегося вакуфских земель при Хаджи Гафисе, якобы захваченных прапорщиком И. Мортовым. В иске мулле было отказано из-за того, что ни он сам, ни «участвующие с ним татары», подписавшие прошение, в Комиссию не явились и никаких документов на оспариваемые земли не предоставили. В то же время у И. Мортова подтверждающие документы нашлись, и земли были оставлены в его владении «с тем, что татарам на них поселенным предоставлено оставаться в том положении, в каком состояли они при татарском владении <...>» [31, л. 65(об.), 66].

Сведения об отсутствии у крымских татар подтверждающих документов на оспариваемые вакуфные земли неоднократно встречаются в архивных делах [34, л. 36; 35, л. 50(об.)]. И в этом нет ничего удивительного, поскольку согласно традиционным мусульманским правилам, распространенным в Крыму, обряд посвящения вакуфа не требовал от посвяпителя письменного подтверждения. Достаточной признавалась устная форма посвящения, но произнесенная в мечети в присутствии свидетелей [36, с. 289]. Для российского законоведа такое свидетельство было явно недостаточным, поэтому для большей объективности необходимо было непосредственное присутствие истцов в Комиссии. Как видно, не всегда они являлись на разбирательство,

что могло стать одной из причин отказа в иске. Если же истцы являлись, но у них отсутствовали ясные доказательства на оспариваемые земли (актуально для вакуфных земель), то в соответствии с личным распоряжением Александра I, данного 6 июля 1806 г. Д.М. Мертваго [27, л. 108-110(об.)], члену Комиссии в сопровождении депутатов приходилось выезжать на место спора и путем опроса местных жителей под присягой выяснять обстоятельства дела, что сильно затягивало разбирательство.

Несмотря на разные затруднения, возникавшие в работе, Комиссия 1802 г. в целом удовлетворительно справилась с поставленными задачами, что было отмечено и российской властью. В именном указе сенату «О закрытии Комиссии, учрежденной для разбора споров по землям в Крымском полуострове», который был подписан императором 13 сентября 1810 г. [18, № 24349], сказано, что «поелику дело возложенное на Комиссию <...> приведено к окончанию, то посему дальнейшее оной существование» не признается нужным.

В целом удовлетворительно оценивали деятельность Комиссии 1802 г. и исследователи [6, № 25, с. 78-80; 11, с. 10]. Справедливо отмечалось, что решения Комиссии закрепили то положение в крымском землеустройстве, которое сложилось после присоединения Крыма к России [6, № 25, с. 79], что в дальнейшем именно решения Комиссии принимались во внимание и служили основанием при рассмотрении земельных споров [11, с. 10]. В то же время результаты, достигнутые Комиссией, «не вполне оправдали возлагавшиеся на нее надежды и далеко не разрешили всех вопросов земельного права, особенно запутанного в Крыму <...>», причиной чему служили «недостаточно правильная» организация работы Комиссии и «слишком узкое определение предметов ее ведомства» [11, с. 10]. Поскольку Комиссия, как справедливо отмечает автор «Исторического очерка русского законодательства по вопросам земельного права в Крыму» [11, с. 10-11], рассматривала прошения лишь по факту их подачи и не входила в разбор земельного права, где таких прошений не поступало, то по окончании ее деятельности многие вопросы традиционного крымского землеустройства оставались не изученными, что в дальнейшем внесло дополнительные трудности в решении земельного вопроса в Крыму. Пожалуй, наиболее ярким примером в этом смысле служит вакуфное землевладение.

В представлении российских властей вакуф выглядел исключительно как собственность духовенства, хотя такое упрощенное понимание вакуфа было в корне неверно. Из этого понимания вытекало и право свободного распоряжения и изменения целей вакуфа. Отчасти такая трактовка была выгодна мусульманам Крыма, поскольку подобный статус закреплял вакуфные земли на более прочных основаниях в российском праве, нежели какое-либо иное состояние или же существование вне законодательного поля.

При этом гарантировалось невмешательство в имущественные дела духовенства со стороны государства или помещиков. Прошение таврического муфтия Сеит Мегмет эфенди Александру I, таким образом, можно рассматривать в некоторой степени как стремление духовенства законодательно закрепить подобный статус вакуфных земель в качестве собственности мечетей и других мусульманских институций. В то же время с закреплением за духовенством права собственности на вакуфы у него появлялись более широкие возможности по использованию такого рода имущества, вплоть до их продажи. Такие процессы с вакуфными землями во времена Крымского ханства были значительно слабее выражены, поскольку тогда на полуострове верховенствовали законы шариата. То, что духовенство пользовалось невольно предоставленными российским законодательством более широкими полномочиями в отношении вакуфных земель, подтверждается архивными документами. В 1806 г. председатель Комиссии, Таврический гражданский губернатор Д.Б. Мертваго требовал от таврического муфтия сведений, «на каком узаконении или праве имения принадлежащие текиям вакуф и прочие сим подобные входят в продажу <...>» [37, л. 1]. Отметим, что описанная тенденция не была исправлена дальнейшими законодательными актами, а наоборот, была закреплена уже официально. В Положении 1827 г. [5, т. 2, № 1417] духовные вакуфы названы «неприкосновенной собственностью мечетей и училищ» под распоряжением и надзором «Правления Магометанского Духовенства» (§34).

Поверхностная, неточная позиция по отношению к духовным вакуфам, удивительное игнорирование частновакуфного землевладения являются, на наш взгляд, одним из главных минусов деятельности представителей российской власти, уполномоченных разобраться в земельных проблемах Крыма, в лице Новороссийского губернатора И.И. Михельсона, а затем И.В. Лопухина и других членов Комиссии 1802 года. В работе последней такая ситуация проявилась особенно отчетливо, в результате чего зачастую вакуфное землевладение не «вписывалось», не учитывалось в комиссионных резолюциях. А поскольку вердикт Комиссии имел статус судебного и становился прецедентом для решения спорных вопросов в деятельности последующих землеустроительных комиссий, то данное обстоятельство закладывало огромные проблемы в крымское землеустройство в будущем. В массовом порядке эти проблемы стали возникать с инкорпорацией понятий «частный вакуф» и «духовный вакуф» в российское законодательство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блюменфельд Г. Крымско-татарское землевладение (историко-юридический очерк). Одесса, 1888.
2. Частно-вакуфное владение в Крыму. Симферополь, 1892.
3. Вакуф // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона под ред. И.Е. Андриевского. СПб., 1891. Т. 5.
4. Вормс А. Вакуфы // Энциклопедический словарь т-ва «Братья А. и И. Гранат и К°». М., 1896. Т. 7.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830-1881.
6. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. Симферополь, 1896. № 24, 25.
7. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. Симферополь, 1896. № 25; 1897. № 26.
8. Шарапа В.Ф., Непомнящий А.А. Ф.Ф. Лашков – краевед Крыма // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
9. Воскресенский А. Татары и землеустроительные комиссии в Крыму // Вестник Таврического земства. 1904. № 6 (март).
10. Александров И.Ф. К истории учреждения Таврического Магометанского Духовного Правления // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 54.
11. Исторический очерк русского законодательства по вопросам земельного права в Крыму. Б.м., б.г.
12. Секиринский С.А. Аграрные отношения в Крыму в период позднего феодализма (XVI – п. XIX вв.). Симферополь, 1984.
13. Секиринский С.А. Сельское хозяйство и крестьянство Крыма и Северной Таврии в конце XVIII – начале XX вв. (1783-1917). Львов, 1974.
14. Дерий С.П. К вопросу о деятельности комиссии по разрешению земельных споров (1802-1810 гг.) // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
15. Абдуллаева З.З. Частное вакуфное землевладение в Таврической губернии // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1997. № 2 (декабрь).
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830.
17. Конкин Д.В. Некоторые аспекты земельных отношений в Крыму в последнем десятилетии XVIII в. // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
18. Узаконения, относящиеся до Новороссийского края и Крымского полуострова. Б.м., 1850.
19. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Записки сенатора И.В. Лопухина. Репринтное воспроизведение. М., 1990.
20. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 27.
21. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 38.
22. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 638.
23. Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800-1825 гг. М., 1970.
24. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 306.
25. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 307.
26. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 288.
27. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 9а.
28. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 528.
29. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 589.
30. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 735.
31. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 316.
32. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 315.
33. Маркевич А.И. К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806-1814 годов. Исторический очерк // ИТУАК. Симферополь, 1913. № 49.

34. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 19.
35. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 321.
36. Мухин В.Ф. Очерк магометанского права наследования. СПб., 1898.
37. ГААРК, ф. 24, оп. 1, д. 546.
38. «Пишу тебе, мой ангельский друг...» (Из эпистолярного наследия начала XIX в.). Сост. С. Абросимова, А. Бойко. Запорожье, 1997.
39. Торнау Н.Е. Особенности мусульманского права. Дрезден, 1880.
40. Торнау Н.Е. О праве собственности по мусульманскому законодательству. СПб., 1882.
41. Торнау Н.Е. Изложение начал мусульманского законоведения. СПб., 1850.
42. Периханян А.Г. Частные целевые фонды в древнем Иране и проблема происхождения вакфа // ВДИ. 1973. № 1.
43. Конкин Д.В. Ханифитский мазхаб и его трактовка вакфа // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
44. Тимошук О., Таран П. Кримськотатарська політико-правова думка кінця XVIII – початку XX століття: особливості генезису та автономістські процеси еволюції. Харків, 2004.
45. Конкин Д.В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783-1796 гг.) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
46. Загидуллин И.К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Материалы всероссийского семинара «Ислам и благотворительность». Казань, 2006.

Konkin D. V.

Waqf Landownership in the Context of the Activities of First Land Surveying Commissions in Crimea (1796-1810)

Summary

The first specialized state authority of the Russian Empire that began to solve problems in respect of *waqfs* in Crimea was land surveying commissions. The activities of the first land surveying commissions in Crimea are considered in the article; the character of their activities concerning *waqfs* is analyzed; and interaction of local Muslim population (and clergy, in particular) with government authorities is traced.

The following conclusions are made:

- private *waqfs* in the period under consideration was not known to the Russian administration, though Muslim part of officials could not help knowing about this particular type of *waqfs*;
- clerical *waqfs*, as Russian authorities saw them, was understood as the property of clergy and that was absolutely not true. Then, they had the right to allocate and change the purposes of *waqfs*, and that comes into clash with understanding of *waqf* in Muslim right. Such an interpretation was profitable for the Muslims of the Crimea as it secured *waqfs* lands on more substantial basis in Russian legislation than any other property or its existence beyond legislation law;
- superficial, inaccurate position towards clerical *waqfs*; ignoring private *waqf* land property caused great problems in Crimean organization of the use of land in future because a verdict of the land surveying commissions had the status of court order and became a precedent for the solution of a point at issue in further court hearings.